

БАСТАРД
В НАКАЗАНИЕ

ОКСАНА СЕВЕР

18+

Оксана Север

Бастард в наказание

«Автор»

2026

Север О.

Бастард в наказание / О. Север — «Автор», 2026

Много лет назад отец Камали, великий герцог Зойвар поднял восстание против короны. Все ее братья погибли и она осталась единственной наследницей рода. Помilовав Зойвара, король пообещал женить на Камалии одного из своих сыновей. Годы спустя, король раскрыл свою план – мужем и отцом будущего герцога станет его незаконнорожденный сын, проводящий дни и ночи в королевской библиотеке. Более изощренного униженья сложно придумать и Камалия не хочет чтобы ее муж пережил первую брачную ночь. Но что-то заставляет ее передумать.

Содержание

Глава 1. Лайнел	5
Глава 2. Камалия	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Оксана Север

Бастард в наказание

Глава 1. Лайнел

– Не думаю, что я стану хорошим мужем, – сказал я отцу, когда услышал его предложение. – А герцог Зойвар слишком печется о чистоте крови, чтобы выдать за меня свою дочь.

Зойвары считали себя даже родовитой самой королевской семьи. Потому 15 лет назад и решились на мятеж.

– Ты думаешь, я дал ему выбор?

Я промолчал. Отец должен был сам понимать, что хоть он и признает меня своим сыном, но всем было прекрасно известно, что моя мать не королева, а дочь землевладельца средней руки с севера. Он мог даже не признавать меня, как делали многие со своими бастардами, но король Кардоги любил удивлять.

– Зойвар, конечно, рвал и метал, когда получил мое предложение, – отец вдруг встал с трона и похлопал меня по плечу. – Я не видел сам лично, но поставил бы на это пару хороших лошадей. Однако, он сам положил себе свинью. Он мечтал прикоснуться к короне? Так его дочка и прикоснется!

Отец раскатисто рассмеялся, и я понял, что этот план он вынашивал давно. В восстании у герцога умерли наследники. Осталась лишь дочь, которой, как оказалось, уготована честь связать будущее герцогства с королевской семьей. Самым позорным для нее и герцогства способом.

– Это из тех предложений, от которых нельзя отказаться, – продолжил отец. – Так что свадьба будет, дорогой мой сын. Заканчивай свои дела в библиотеке, твоя невеста приедет через неделю. Говорят, она приятна на вид, так что можешь сказать мне спасибо.

– Вы очень добры, ваше величество.

– Даже слишком, – отец нахмурился. Его настроение часто менялось. – Надо было повесить всю семейку Зойваров еще давно, но это может не понравиться остальным дворянам. Не могу же я просто прибрать к рукам их земли? Главное – тебе не помереть, пока герцогиня не родит сына, ты уж постарайся.

Я пропустил колкость отца мимо ушей. В его словах было больше беспокойства, чем упрека. Я правда был слаб здоровьем и часто болел, оттого предпочел карьеру ученого, а не военного. Не лучшие качества для мужа и в целом для мужчины, но, как отец иногда говорил мне, такими были все люди с северных болот, а я пошел в них.

– Я буду пить все настойки, которые дает мне лекарь, но...

– Что «но»?

Я поднял глаза на отца и решился спросить:

– Где мы будем жить? На родине невесты меня легко убьют. По крайней мере, я бы так поступил.

К моему удивлению, отец улыбнулся.

– Все-таки ты умен, Лайнел. В этом ты прямо в отца, в отличие от некоторых. Не волнуйся, я уже подписал бумаги. Вы проведете несколько месяцев во дворце, а потом отправитесь на твою малую родину. Прошлый наместник недавно утонул, так что болотам требуется новая рука. И не смотри на меня так! Жить там вовсе не так плохо, как говорят некоторые неженки. Я вот провел там лучшие годы своей жизни, но дела позвали меня обратно!

– Я постараюсь сделать все, что в моих силах, отец.

К своему сожалению, я понял одну простую вещь. Даже если герцогиня не будет сторониться моего внебрачного происхождения, даже если ей понравится моя болезненная внешность... Это все будет совсем неважно, ведь мне придется увести ее в земли, где люди уже давно соглашались жить лишь по приказу.

Болотами называли территорию на северо-востоке Кардоги. Моему прадеду захотелось присоединить их к королевским землям, так он верил, что где-то там лежат несметные богатства.

Увы, это оказалось ложью.

Ни один герцог не захотел взять в свое владение земли, где почти ничего не растет, и потому постоянно приходилось назначать туда наместников, а жить и возделывать землю отправлять провинившихся. Конечно, это можно назвать почетной ссылкой. Впрочем, ей оно и было.

Я постарался не думать о холоде и сырости, которые меня ждали, и решил заняться действительно важными делами перед свадьбой – передать работы в библиотеке ученикам, которые имели шанс с ними справиться.

В один из таких дней в библиотеку явился мой старший брат. Не тот, кому суждено было стать королем, а тот, что был третьим законным сыном и потому относился ко мне с некоторой родственной любовью. Наше положение было похоже, и вместе с тем между нами была огромная пропасть. Но, все же, мы с Генри могли зваться друзьями.

– Тебе через два дня жениться, братик, – Генри удивленно осмотрел мою комнату, заполненную книгами, которые я безуспешно пытался рассортировать. – А ты занят какой-то ерундой.

– Потому я и пытаюсь привести тут все в порядок.

– Нужно сделать кое-что еще, – брат ухмыльнулся. – Точнее, кое с кем познакомиться.

– И с кем же?

– С красивыми женщинами в красивом месте.

Он выразительно посмотрел на меня и, когда я ничего не ответил, добавил:

– Мы пойдем в лучший бордель нашей столицы.

– Не думаю, что это необходимо.

– Я не спрашиваю тебя, братец, – Генри, больше всех из нас похожий на отца в молодости, крепко вцепился в мое плечо и продолжил. – Я не позволю, чтобы ты облажался перед зойварской бабой. Ты знаешь, что говорят о южанках?

– Просвети меня.

– Они самые ненасытные в постели. Даже девы и то не уступят в мастерстве какой-нибудь куртизанке. У них это в крови, понимаешь?

– Этого не может быть, дорогой брат. Я ученый и знаю, что кровь у всех одна, пусть кто-то светлее волосами, а кто-то темнее. Об этом писал еще двести лет назад великий Дэрдрод.

– Братец, мне плевать, что писал твой любимый Эрод.

– Дэрдрод. Он наш дальний родственник и самый главный ученый за всю историю нашего государства.

– Все еще плевать. В постели он тебе не поможет. Никто не будет говорить, что мой брат не смог объездить южанку! Я не позволю нас всех опозорить.

– Мы носим разные фамилии.

Я отбивался лишь из вредности. Если Генри что-то пришло в голову, спорить с ним было бесполезно. Упертостью он тоже пошел в отца.

Конечно, брат лишь на секунду не нашел, что сказать.

– Плевать. Все же знают, что ты его сын. Так что пойдешь в бордель как миленький и запрешься в комнате с девушкой, которую я оплачу.

– Я бы предпочел выбрать и заплатить сам, – сказал я, сдавшись. – Чтобы ты там не думал, у меня есть небольшие накопления, и я не нищий.

– Что ж, справедливо, – Генри больно хлопнул меня по плечу. – И по-мужски. Чтобы ты там из себя не строил, братец, в тебе есть не только хилая северная порода. Пойдем. Нас ждут великие дела!

На мой взгляд, совокупление за деньги нельзя было назвать великим делом. С другой стороны, как человек, занимавшийся с самого отрочества наукой, я понимал, что теория и практика – это разные вещи. И возможно, мне действительно стоило посетить бордель, как бы того и не хотелось. Если брак не будет консумирован, отец будет разочарован. Не для того он вынашивал свой великий план мести, чтобы сын-бастард его подвел.

Поэтому в разгар сумерек мы с Генри появились на пороге места, которое называлось «Домом музыки и удовольствий» и принимало исключительно высокопоставленных гостей.

Внутри стоял полумрак, словно в этом месте сэкономили на воске. Конечно, это было не так, просто считалось, что темнота располагала к греху.

– Ваше высочество!

Хозяйка, женщина с слишком напудренным, почти белым лицом, шутливо поклонилась Генри и протянула ему руку. Было видно, что Генри тут такой частый гость, что его происхождение почти что не вызывает обычного трепета.

– Мила, вы как всегда великолепны, – Генри поцеловал руку и показал на меня кивком. – Сегодня я не один. Хотел познакомить вас с моим младшим братом. Он работает в королевской библиотеке.

– Наслышана о вас. Жаль, что вы не посещали нас раньше.

– Я был занят работой.

– Нам есть что наверстать. Пройдемте, вечер только начался.

Мы прошли по коридору в комнату в глубине особняка. Это была зала со сценой посередине, где несколько девушек приятной наружности играли на инструментах, которые обычно предназначались для мужчин. Все это действо выглядело прилично, но лишь на первый взгляд – инструменты, платья без подъюбников, тугие корсеты, случайно виднеющиеся женские ступни без туфель – все это должно было распалить воображение клиентов.

– Вам нравится? – спросила Мила, подав мне кубок с вином, который услужливо принесла ее помощница.

– Мне нравится, как все продуманно. Наверное, сложно отрепетировать такое представление.

– А женщины вам по душе? Вы можете выбрать любую в этом зале. Включая тех, кто на сцене. И поверьте, они будут рады. Не каждый, кто приходит сюда, обладает столь приятной наружностью, как вы и ваш брат.

Генри понял, что Мила не оставит меня одного, и успел завести разговор с рыжеволосой девушкой, которую, кажется, знал. Они присели на кушетке у стены и были крайне увлечены друг другом.

– Вам не стоит мне льстить. Я совсем не похож на брата.

– Я знаю, – Мила повернулась ко мне так, что свеча освещала ее лицо лишь наполовину.

– Мне нет нужды вам льстить. Вы красивы оба, но совершенно разной красотой. Он пошел в породу вашего отца – рослый, широкобровый, с волосами цвета каштана. А в вас есть утонченность севера.

– Болезненность, вы хотели сказать.

– Тем не менее, вы красивы. Мне нравятся ваши светлые волосы, эта такая редкость в наших краях. Наверное, вы пошли в мать. Вы знаете, кто она?

– Дочь мелкого землевладельца, – я сам не понимал, почему откровенничаю. Быть может, дело было в вине. – Я никогда ее не видел.

– Она жива?

– Насколько мне известно, да.

– И она не искала встречи с вами?

– Не думаю, что ей бы доставило удовольствие напоминание о своем грехе.

– Для женщин не нашего круга это правда важно, – кивнула Мила. – Что ж, дорогой Лайнел. Вы готовы сделать свой выбор?

– Я уже его сделал.

– Буду рада вас познакомиться.

– Мы уже знакомы, Мила.

Хозяйка посмотрела на меня с недоумением, а потом звонко рассмеялась, поправляя взбитые темные волосы.

– Вы очаровательны.

– Я говорю серьезно. Если, конечно, мое предложение вас не оскорбляет.

– Нисколько, – ухмыльнулась Мила. – Не стройте иллюзий по поводу того, как складывалась моя жизнь. Хозяевами таких мест становятся не сразу. Мы попадаем сюда не через парадный вход.

– Тогда почему бы вам не пройти со мной? У меня есть средства.

– Не глумитесь. Это мне следует вам платить. Сколько вам лет, Линэл? Около двадцати?

– Мне девятнадцать.

– Неужели вам не хочется выбрать женщину своего возраста? Я старше вас на пятнадцать лет.

– Вы спросили меня, с кем я хочу уйти, и я ответил.

Выражение лица Милы сменилось на серьезное. Она оглядела меня с ног до головы, словно только что увидела. Неужели ей правда было сложно поверить, что из всех, кто был в комнате, меня заинтересовала только она? Она была старше всех женщин здесь, но она была красива. И что было для меня куда важнее – я верил, что она находила красивым и меня.

Я знал, что мне скорее всего придется не раз делить ложе с женщиной, которой я буду противен. Почему бы не узнать, каково будет наоборот?

– Что ж, раз ты настаиваешь...

– Я не настаиваю, Мила. Я хочу.

Мила не ответила. Она улыбнулась и взяла меня под руку.

Мила провела меня в покои на самом верхнем этаже. Окна ее комнаты выходили на террасу, с которой, наверное, был виден даже королевский дворец.

– Хочешь еще выпьем? – спросила она, но я покачал головой.

– Я тоже не хочу.

Она подошла ближе и прикоснулась рукой к моему камзолу. Он был темный, почти черный. Так ходили все работники библиотеки. Я знал, что мне придется от него отказаться, но хотел отдалить этот момент.

– Черное тебе к лицу.

– Как и тебе белое.

– Кстати об этом, – она кокетливо улыбнулась. – Поможешь его снять?

– Я никогда этого не делал.

– Не снимал с дамы корсет? Или не делил с ней ложе?

– И то, и то. Потому мой брат и привел меня сюда. Не хотел, чтобы я опозорился после женитьбы.

К моей радости, Мила отреагировала так, словно знала, что я никогда не знал женщину. Быть может, она правда знала.

– Значит, это правда? Герцогская девка пойдет за бастарда?

Она лишь повторяла то, о чем говорят на улицах. И все равно слово «бастард» ощущалась как пощечина.

– Ты злишься на то, что я назвала тебя бастардом? Ты можешь называть меня шлюхой, если хочешь.

– Я не буду этого делать.

– Зря, – Мила начала сама расшнуровывать корсет, который, как у всех женщин ее статуса, был над одеждой. – Это ведь правда. Зачем обижаться на правду.

Я не стал с ней спорить и заворуженно смотрел, как корсет падает к ногам, а вскоре к нему упало и платье. Конечно, я должен был раздеться сам, но не мог и пошевелиться, пока Мила снова не подошла ближе, прикоснувшись обнаженной кожей к моему камзолу.

– Можно я кое-что скажу?

– Все, что хочешь.

– Брат привел тебя, чтобы ты научился, – она встала на цыпочки и шептала это на ухо. – Но я не хочу, чтобы это был урок. Ты тут не ради нее. Я тут ради тебя, понимаешь?

Я не был уверен, что понимаю, но я кивнул, согласившись. Мне кажется, я согласился бы со всем угодно. А потом я почувствовал, как Мила прикоснулась к моим губам, и понял, что уже давно сжимаю ее бедро.

Самое странное, что все это казалось совершенно естественным.

Я плохо помнил момент, когда с меня стянули одежду и исподнее. Кажется, мы делали это в четыре руки.

Когда мы оказались обнажены в ее постели, я понял, о чем шла речь, когда Мила сказала, что «она тут для меня». Я был уверен в том, что моя будущая жена никогда не будет делать со мной то, что делала Мила.

Сначала я смотрел в потолок, задыхаясь от осознания того, что происходит внизу. Ее волосы распластались по всей кровати, а голова ритмично двигалась вверх и вниз, с каждой секундой заставляя меня бояться, что все закончится слишком быстро.

Так оно и произошло. В первый раз я излился, когда Мила ласкала меня ртом, это было хорошо и стыдно одновременно. Но к нашей общей радости я быстро восстановился. Уже через несколько минут я вошел в нее, нависая сверху, и стал мужчиной по-настоящему. Это длилось уже дольше, и мне казалось, что Миле было так же хорошо, как и мне.

Потом она лежала у меня на груди, и мы отдыхали, надеясь вскоре продолжить.

– Я не могу иметь детей. Забыла сказать, но вдруг ты волновался.

– Глупо, но я об этом не думал. Почему?

– В молодости я чуть не родила бастарда, – с грустью ответила Мила. – Лучше бы родила.

– Мне жаль.

– Знаю, – она подтянулась и потрогала мои волосы. – А мне жаль, ты не пришел ко мне раньше, Лайнел. Мы могли бы провести много приятных ночей вместе.

– Я могу приходить к тебе.

– Не можешь. Ты скоро женишься, и я не думаю, что отец надолго оставит тебя в столице.

Я еще раз убедился в том, что женщина рядом со мной была умна.

– Я уеду на север. Через пару месяцев.

– И эти месяцы вы с женой не будете вылезать из постели. Если до нее, конечно, дойдет, как ей повезло.

– Я не надеюсь на это. И если честно, мне все равно.

– Это ты сейчас так говоришь, – Мила провела заточенным ногтем по моей груди. Так сильно, что оставила царапину. На спине таких, наверное, уже было несколько. – Быть может, ты увидишь ее и забудешь, как меня зовут. Говорят, герцогиня невероятно красива.

– Люди многое говорят. Про меня ходили слухи, что я не могу появляться при свете. Якобы у меня серая кожа, передающаяся от матери, и отец прячет меня среди книг.

– Разве это не правда?

– Мы можем это проверить, если ты позволишь мне остаться до утра.

Мила замолчала, и я уже боялся, что она выгонит меня обратно из этой мягкой постели и комнаты, в которой было хорошо, как не было нигде и ни с кем.

Но, к моему счастью, она скользнула рукой вниз и сказала:

– Ты можешь остаться до утра, Лайнел. Правила иногда нужно нарушать.

Глава 2. Камалия

Нас должны были поженить в храме, который считался лишь вторым по значимости в столице. Это было еще одним тычком от короля, очередным напоминанием, что я выхожу замуж не за принца.

Можно ли было сильнее опозорить род Зойваров? Впрочем, главный позор принесли мы сами. Мой отец даже не попытался сопротивляться этому предложению и отдал меня бастарду, словно я дочка кухарки, а не герцогиня древнейшего рода.

Увы, но в восемнадцать лет я поняла, что свою честь смогу защитить только я сама. Даже Александр, один из командиров отцовской армии, не вызвался помочь мне в последнюю ночь перед отъездом. Создатель видел, что я готова была бежать с ним хоть на безлюдный восток, хоть за северное море. Но он не пришел.

Поэтому я безропотно села в повозку со своими служанками и в сопровождении королевской охраны отправилась в столицу, надеясь только на себя саму.

Никто не должен был узнать, что я задумала, и потому я играла роль смилившейся судьбой герцогини, которая готова принести жертву, на которую ее послали. Даже мои служанки были удивлены этой безропотностью, и я периодически ловила на себе их обеспокоенные взгляды.

В утро перед свадьбой, расчесывая мои волосы, Рошка не выдержала и спросила:

– Госпожа, как вы?

– Я смирилась, Рошка. У нас у всех есть судьба.

– Говорят, он никогда не покидал замок. А его мать – дикарка с севера, которая даже читать не умеет.

– Мне все равно, каков он. Я сделаю то, что нужно.

Я почти что не врала. Бастард есть бастард, и будь он даже писанным красавцем и сыном такой же герцогини, как я, ублюдское происхождение никуда не пропадало. Все это знали, и король это знал. Однако, как мне было известно, дикаркой его мать не была, по крайней мере по рождению, а происходила из семьи переселенца, взявшего в жены одну из дочек местных вождей. Говорят, северянки были красивы особой красотой, редко встречавшейся в наших землях, и потому, наверное, король не смог держать себя в узде по молодости.

– Вдруг он красавец вроде Александра, – Рошка попыталась меня утешить. – Всякое бывает. Бастарды ведь дети дьявольские, а дьявол красив.

Я слабо улыбнулась.

– Будь оно и так, мне все равно. Мои глаза будут открыты, но душой я буду во сне.

– Как красиво вы говорите, госпожа, – вздохнула Рошка. – Даже плакать захотелось.

– Это ты забудь! – строго приказала я. – Сегодня мы не будем плакать. Плачут пусть другие.

– Как скажете, госпожа. Вы готовы надеть платье?

Я посмотрела на традиционный свадебный наряд нашего герцогства – красный бархат с белой фатой. В детстве я часто представляла, как выхожу в нем за принца. Но судьба жестоко надо мной посмеялась.

– Я готова, Рошка. Я готова ко всему.

Храм был полон народу – простые люди стояли на улице, а знать ждала внутри. Всем хотелось увидеть унижение Зойваров, а мне не хотелось давать им такой радости. Выйдя из кареты, я улыбнулась толпе самой лучезарной из возможных улыбок. Пусть думают, что я счастлива, пусть недоумевают. Они поймут все потом, когда мальчики будут бегать по улицам и раздавать

листочки с новостями о том, что ублюдок не пережил первую брачную ночь. Про меня сложат песни и легенды, а мое имя станет нарицательным.

Он уже ждал меня внутри храма, рядом со святилищем и клириком, который должен был провести обряд. Обычно отец ведет дочь к святилищу, но герцог Зойвар не выдержал бы такого позора. Так что меня вел один из высокопоставленных королевских военных и держал пол руку так, словно я могу убежать. Но я не собиралась этого делать. Я прошла весь путь, смотря прямо перед собой, не обращая внимание на половину столичной элиты, пришедшей поглазеть.

Бастард был одет в темно-фиолетовый камзол. Короли и принцы Кардоги традиционно носили темно-синий, и даже в выборе похожего цвета нам всем демонстрировалось то, кем он являлся.

Его отец был королем Ашкобальдом II из династии Дэрнеск. Бастард не имел никакого титула и носил урезанную фамилию отца, как и многие признанные ублюдки. Его звали Лайнел Эрнес.

До нашей встречи вживую я точно знала лишь то, что у него светлые волосы. Но мне представлялись волосы цвета меда, а у бастарда они были ослепительно белые, словно лишённые какого-либо цвета. В наших краях светловолосых было мало, а уж таких я никогда и не видела в жизни. Его кожа вовсе не была серой, а глаза не были красными. Это все были глупые слухи. Возможно, его даже можно было назвать красивым, хоть это было и не важно. Он не был одет в темно-синее, а значит не имел права стоять подле меня.

Когда я повернулась к нему и мы встретились глазами, я ожидала увидеть напротив восхищение, восторг, неверие в свою удачу. Я была красива и знала это. У меня были темные волосы, которые невозможно было собрать в одну лишь косу, и глаза, которые любили сравнивать с янтарем. О таком не мог мечтать не только бастард. Даже для герцога я была бы большой удачей.

Но в серых глазах напротив я узнавала лишь спокойное равнодушие. Так смотрят на расторопную прислугу, а не на будущую жену, которую получил вопреки всем законам в качестве мести за ошибки ее семьи.

Это злило, но я заставила себя улыбнуться, когда клирик произносил молитву. Это, как и всегда, длилось долго, и мне хватило времени, чтобы еще раз убедиться в том, как ублюдок был равнодушен к происходящему.

– Лайнел Эрнес, согласны ли вы до конца жизни делить кров, ложе и стол с Камалией, герцогиней Зойвар?

– Согласен.

Так я впервые услышала его голос. Он не подходил к внешности северянина – был слишком низким и глубоким. Таким голосом следовало отдавать приказы, а не просить принести чернила для записей.

– Камалия, герцогиня Зойвар, согласна ли ты перейти от отца к мужу, Лайнелу Эрнесу, родить ему наследников столько, сколько даст Создатель?

– Согласна, – ответила я, впервые заметив в лице бастарда что-то похожее на интерес. Уж не ждал ли он, что я его отвергну?

– Тогда, перед взором Создателя и лучшими людьми королевства Кардога, включая Его Королевское Величество и их Королевские Высочества, Лайнел, вы можете дотронуться до невесты.

Это было кульминационное событие свадьбы. Муж берет в руки ладони своей жены, а клирик поливает их водой, скрепляя воедино. Я была готова к этому, но мои ладони все равно дрожали, когда я протягивала их для завершения ритуала. Бастард тоже медлил, прежде чем дотронуться до меня. Наверное, в глубине души он знал, что этого недостойн.

Однако, через пару долгих секунд я все-таки почувствовала прикосновение его холодных ладоней к своим. И сразу же на нас полилась вода. Теперь все было кончено. В глазах Создателя мы стали мужем и женой.

Странно, но после ритуала земля не рухнула, а небо не заметало молниями, противясь такому союзу. Нас повезли в королевский дворец, где должен был состояться пир. Это был первый раз, когда мы с бастардом остались наедине. Почему-то я осознала это только тогда, когда мне помогли подняться в карету. По какой-то причине я была уверена, что мы останемся одни только в супружеской спальне.

Он сидел напротив меня, смотря в окно через приоткрытые занавески. На улице орала толпа, и это раздражало почти так же, как и его молчание.

– Ты бывал в королевском замке раньше? – не выдержала я.

– Да. Я жил при дворе, пока не ушел в ученики библиотекаря.

– Его Королевское Величество не мог дать сыну более достойную должность?

– Это был мой выбор, – бастард опустил взгляд вниз. – Из меня не мог бы получиться ни воин, ни клирик.

– Почему нет?

– У меня не было тяги к истине Создателя.

– А воинское дело чем тебе не по нраву?

Отец всегда говорил, что война – единственная лестница для бастарда. У него тоже был один, и дослужился до хорошего звания. Однако погиб, как и все братья. Король не оставил мне даже брата-ублюдка, о котором я, пусть и немного, но горевала.

– Какой солдат выйдет из того, кого периодически мучает грудная болезнь? К тому же я хорош в науках. Каждый должен быть на своем месте.

– Я не на своем месте. Герцогине не место наедине с бастардом.

Он дернулся, словно я его ударила. Забавно, неужели я была первая, кто ему напомнил о происхождении. Неужели он посмел забыть?

– Ты теперь моя жена, – холодно ответил бастард. – Поздно говорить о том, где тебе не место.

– Думаешь, у меня был выбор? Твой отец все продумал! Я думаю, он уже тогда это решил! Обвел моего отца как ребенка.

– Именно так он и сделал. Отец умнее, чем многие о нем думают. Твой просто попал в расставленную им ловушку, слишком поверив в свою исключительность.

К моему ужасу, бастард был полностью прав. Отец проиграл и проиграл с размахом.

Недолгий путь до королевского замка мы провели в молчании, и только перед выходом бастард нагнулся ко мне и тихо прошептал:

– Впредь называй меня по имени. Мне плевать, что ты думаешь обо мне, но имей силу этого не показывать.

– Хорошо.

– Рад, что мы это прояснили.

К счастью, он не знал, что мне недолго придется строить из себя примерную жену.

Свадебный пир был великолепен. Король не пожалел ни денег, ни людей, чтобы его организовать. Сначала меня это удивило – но потом я поняла. Ашкобальд II праздновал не женитьбу сына.

Он праздновал свою месть, которую ждал пятнадцать лет.

Иногда, засыпая и представляя себя женой принца, а в самых сокровенных мечтах даже наследника, я думала о том, как хорошо все повернулось для нашего герцогства. После пора-

жения восстания король мог растащить наши земли по кусочкам, но он помиловал отца и обещал ему свою кровь. Как же коварен он был и как слепы были мы!

Но горевать об этом было поздно, поэтому я наслаждалась едой и представлением, коротая часы перед ночью, когда должна была окончательно освободиться.

Меня удивило то, что один из принцев, Генри Дэрнеск, тепло относился к побочному брату. Он сам спустился с королевской ложи и поднял за нас кубок, чокаясь с Лайнелом, который совсем не выглядел ошарашенным такой любезностью.

– Какой сегодня прекрасный день! Даже поверить не могу, что мы смогли вытащить тебя из-под книжных завалов, братец. Фиолетовый тебе к лицу. А черный делал тебя бледнее. И невеста сегодня дюже хороша.

– Благодарю, ваше высочество, – я опустила голову, как и требовалось по этикету. – Вы очень добры, что спустились к нам.

– Мы почти что родня, – рассмеялся Генри, но Лайнел закашлялся, и тот понизил голос. – Ну, все же и так это знают. Как не поздравить любимого брата.

– Я у тебя любимый лишь потому, что не соперник.

Меня поразила эта дерзость, но Генри не повел и бровью.

– Ты любимый потому, что добр и всегда умеешь найти ласковые слова.

Они оба раскатисто рассмеялись, но замолкли, когда на них начали смотреть остальные гости.

– Я должен вернуться в ложу, – нехотя сказал Генри. – Желаю вам прекрасной ночи. Первая, она самая забываемая. Так говорят.

Конечно, шутки о первой брачной ночи были уместны по этикету, и все равно я чувствовала, что краснею. Как это было глупо. Я вовсе не была такой уж стыдливой девой. Я знала, откуда берутся дети, и даже видела, как мужчина берет женщину, когда наткнулась на Александра, зажимавшего в кустах одну из служанок. Тогда я страшно хотела быть на ее месте, но мне нужно было беречь себя для принца, а Александр им не был. Повернись все назад, я бы сама пришла к нему ночью, предоставив бастарду порченный товар. Все равно мужчину можно было обмануть, да и что он сделал бы, узнав об обмане? Даже опороченная герцогиня была большим, чем бастард был достоин.

Но я оставалась нетронутой, и потому у меня был лишь один выбор.

Убить его в супружеской постели.

Пир закончился быстрее, чем я ожидала. Солнце село, и нас под звуки и улюлюканье опьяневшей толпы проводили в крыло замка, где нам на время житья в столице выделили несколько комнат – залу для приемов, купальню, кабинет и спальню. Было видно, что они долго были заперты и почти не использовались. Они были роскошны, но при этом пахли как сундук со старыми платьями.

– Если вам что-либо понадобится, вы можете позвонить в колокольчик, – сказал королевский слуга, поклонившись. – Приятной ночи.

Он вышел, заперев тяжелую дверь, и мы остались наедине вновь.

– Прием был хороший, – на этот раз он заговорил первый. – Я не ждал, что отец придет.

– Как он мог пропустить такой знаменательный день? Он свершил свою месть.

– И правда, – согласился Лайнел.

Не позвав меня за собой, он прошелся по комнатам, отворяя двери. Последней была спальня, единственное место, куда привезли новую мебель из темного дерева, обработанного умелыми руками заморского мастера. В иных обстоятельствах я могла бы оценить ее красоту по достоинству, но не сейчас, когда мне предстояло раздеться перед незнакомым мужчиной.

Мне было бы легче, если бы он набросился на меня, попытавшись взять прямо в платье. Тогда я бы притворилась, что согласна на все, а потом, воспользовавшись его слабостью, задушила бы.

Но Лайнел медлил, словно чего-то ждал.

– Ты собираешься ложиться в кровать в парадной одежде? – раздраженно спросила я.

– У меня нет ни малейшего желания делить с тобой ложе.

Ублюдок делал вид, что жертва тут он.

– Уж не ждешь ли ты, что я буду тебя уговаривать?

– Нет, конечно, – он начал медленно расстегивать пуговицы камзола. – Я просто хотел объяснить, что не выбрал этого, так же как и ты.

– Для тебя стоять рядом со мной – огромная честь и удача.

Лайнел лишь ухмыльнулся, сбросив с себя камзол, а потом стянул через голову верхнюю рубаху. Я увидела худощавое поджарое тело, светлые волосы, идущие к паху, и пару ранок, словно его царапали иголкой или же...

– Повернись ко мне спиной, – приказала я.

– Ты стесняешься раздеваться? Хорошо. Сними платье и лезь под одеяло, если тебе так будет легче.

Но дело было не в стеснении. Я хотела увидеть его спину.

Как я и думала, она вся была в полосах от ногтей какой-то местной шлюхи.

– Что такое? – спросил Лайнел, когда я, поддавшись странному порыву, провела ногтем по его спине, повторив очертание царапины. – Это больно, Камалия.

Я даже не обратила внимание на то, что он назвал меня по имени.

– А когда она раздирала тебе спину, не было больно?

– О чем ты? А...

Он развернулся, и теперь мы стояли очень рядом друг с другом. Но сейчас меня это не волновало. Я захлебывалась от странной злости и обиды.

– Вот тебе и затворник с книгами. И с кем ты развлекался? С местной свечной девкой? Дочкой писаря?

– Я ходил в бордель.

Откровенность этого признания была для меня совершенно непонятна. О таком не говорят. По крайней мере я так думала.

– Никто не хотел прикасаться к тебе бесплатно?

– Она не взяла с меня денег.

– Кто она?

– Вот уж тебе не все равно? Какое тебе дело, даже если через меня табун прошел? Я же бастард и не достоин дышать рядом?

В его словах была правда, но в месте с тем я чувствовала то, что чувствовала.

– В отличие от тебя, мне не было дозволено развлекаться с кем хотелось.

– Знаю. Женская жизнь в этом плане несправедлива.

– Это должно меня утешить?

Лайнел глубоко вздохнул. Мне показалось, что я его утомила. Это напоминало плохую постановку уличных артистов. Госпожа уговаривает ублюдка залезть на себя, а тот упирается из-за всех сил. Торговки рыбой и мелки оборванцы надорвали бы животы со смеху. Да я бы и сама посмеялась, в других обстоятельствах.

– Что ты хочешь от меня, Камалия? Мы здесь, и этого уже не изменить.

Я призадумалась. Он был прав. Было совершенно не важно, были у него женщины или нет. Пора было переходить к делу.

Поэтому я обернулась и попросила самым елейным голосом, на который была способна:

– Я хочу, чтобы ты помог мне избавиться от этого платья. Под ним ужасно тугой корсет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.